

Н.С.Хрущев: самоидентификация лидера как политического актора

В плане поставленной проблемы самоидентификации Н.С.Хрущеву принадлежит особое место среди политических лидеров № 1 России и СССР XX в. Остальные (за исключением, пожалуй, "калифа на час" — А.Ф.Керенского) оставили слишком мало достоверных личных свидетельств, чтобы предметно судить о том, каких конкретных представлений о себе, каких моделей самооценки они придерживались. Дневники Николая II за личиной образцового семьянина и добропорядочного высородного обывателя в большей степени скрывают, чем оттеняют черты последнего российского императора как политического деятеля, самодержавного актора политического процесса. "Странички из дневника" В.И.Ленина с особой силой выявляют тот факт, что все, заслуживающее, с его позиций, внимания, личное полностью растворялось им в публично-политическом, а потребность исповедаться в прегрешениях никак не опускалась (по своим масштабам) ниже уровня известной фразы из так называемого "Политического завещания": "Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России..."¹

И.В.Сталин в узком кругу своих приближенных — членов Политбюро — в ходе многочасовых кунцевских трапез мог позволить себе расслабиться, "вспоминая", как Ленин жил его, Сталина, политическим умом, выдавая за свои идеи предложения "замечательного грузина". Но в публичных выступлениях самоидентификацию предпочитал прятать за обобщаемым им же образом "твердокаменного" ленинца: "Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала"².

Сравнение эпохальных официозных воспоминаний Л.И.Брежневца ("Малая земля", "Возрождение", "Целина"), им не писанных и, есть подозрение, даже не читанных, с действительными личными дневниковыми записями 1977 г., убеждает, что общее в них лишь одно: ни те, ни другие не могут дать прямой информации о политической самооценке этого ревнителя стабильности, обернувшейся

¹ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 45. С 356.

² Сталин И.В. Соч. М., 1947. Т. 6 С. 46.

застоем. Дневники Леонида Ильича, правда, способны дополнить его облик политического актора чертами сугубо личностными, но в границах скромных и весьма одноплановых:

[1977 г.]

«10 апреля. Был дома на даче — обедал. Борщ из свежей капусты. Отдых был на дворе — дочитывал материалы.

Смотрел хоккей сборная ССР (так в тексте. — В.Ж.) Швеция — итог 4-2 в пользу ССР.

Смотрел "программу времени". Ужин — сон...

3 мая... Портные — костюм серенький отдал — и тужурку кож. прогулочную взял...»¹

И так далее — на уровне серенького костюма, "забивания косточек" с Подгорным и бесед с "Шарванадзе".

Воинствующая неискренность, фальшивость, особенно рельефно выступающая на фоне избранного тона "Исповеди...", характеризует мемуары Ельцина-Юмашева.

"Жизнь и реформы", а также "Размышления о прошлом и будущем" М.С.Горбачева воссоздают нам облик мудрого и в главном никогда не ошибавшегося лидера великой державы, прокладывавшего путь человечеству к "новому политическому мышлению". Открытым остается лишь один вопрос: почему результаты этой безошибочной инновационной политики оказались столь плачевными?

Воспоминания Н.С.Хрущева "Время. Люди. Власть", как и любые мемуары, особенно политика, носят субъективный характер. Но в ряде отношений они выгодно отличаются от мемуаров его последователей. Именно последователей, ибо Н.С.Хрущев оказался первым из череды советских и постсоветских вождей, кто решился на такого рода "самоотчет" перед своими современниками и потомками. "Разрешив" советским людям вспоминать, он затем обратил эту привилегию и в свою пользу. Его мемуары — исповедь цельного человека, подтверждающая в главном оценку западными аналитиками Н.С.Хрущева как последнего искреннего популиста у власти в нашей отечественной политике. Его пристрастия и хитрости, как правило, распознаваемы. Но в той же степени отчетливо различимы и ноты искренности в воссоздании собственных представлений и умонастроений разных периодов его политической биографии.

В русле отмеченной тенденции правомерно рассматривать и обстоятельства создания мемуаров. Вчерашний авторитарный "хозяин" великой страны оказался в положении политического изгоя, фактического узника в границах подмосковной дачи, нашпигованной прослушивающими устройствами, смонтированными даже в туалете. С одной стороны, это заставляло его быть предельно осторожным, практически не давать оценок Л.И.Брежневу и его окружению. С другой же стороны, это как бы дисциплинировало ме-

¹ Совершенно секретно. 1994. № 5.

муариста, побуждая его воздерживаться от передержек, подтасовок и других отступлений от фактов, которые потенциально — Н.С.Хрущев это понимал — могли быть использованы против него. "Я хочу быть очень правдивым и буду ссылаться на факты так, чтобы будущее поколение (а я пишу для него) могло их проверить"¹ — в этом тезисе из Пролога к воспоминаниям правомерно усматривать не только (а, может быть, и не столько) нравственную установку автора, сколько аргумент оборонительного свойства на случай возможных обвинений его в "клевете на советскую действительность", ее "очернении" и пр.

Повышает информативность данных воспоминаний как источника личного происхождения то обстоятельство, что Н.С.Хрущев оказывается лишенным возможности "прятаться" за официальные документы, что имеет место в абсолютном большинстве случаев, когда речь идет о мемуарах политических лидеров.

В настоящее время мы располагаем многочисленными вариантами расшифровок магнитофонных записей советского лидера. К их публикации приложили руку многие люди. Первое издание мемуаров на английском языке готовил в 1970 г. студент Оксфордского университета Струоб Тэлботт. "Работа поглотила его с головой, — пишет по этому поводу сын автора воспоминаний Сергей Никитович Хрущев. — Струобу не оставалось времени ни на приготовление пищи, ни на поддержание порядка в общежитии. На его счастье, все заботы о быте взял на себя его сосед по комнате Билл — будущий президент США Билл Клинтон"². У 42-летнего президента США есть, таким образом, еще один шанс остаться в истории не только благодаря делу Моника Левински.

Первое издание воспоминаний советского лидера на русском языке появилось в издательстве "Прогресс" уже в 1971 г. и представляло собой... сокращенный обратный перевод с английского с грифом "ДСП" для узкого круга лиц. И только в 1990 г. не без трудностей и запретных акций отдельные части и фрагменты воспоминаний стали выходить практически одновременно в "Огоньке", "Знамени", "Вопросах истории". Неординарность судьбы воспоминаний породила и массу текстологических проблем, оставшихся не разрешенными по сей день. Ныне публикуемые тексты прошли редактуру целой череды лиц: Сергея Никитовича Хрущева, писателя Трунина Вадима Васильевича, разного рода редакторов из журналов В.А.Коротича, Г.Я.Бакланова, А.А.Искендерова. Формально подправляя шероховатости устной речи мемуариста, они невольно, а подчас и вольно, вносили в текст смысловые коррективы.

¹ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания: В 4 кн. М.: Московские Новости, 1999. Т. 1. С. 12.

² Там же. С 651.

Тем не менее четырехтомник "Московских Новостей" — самое полное из того, что мы имеем в настоящее время из публикаций наговоренных Н.С.Хрущевым мемуарных текстов. У исследователей, правда, еще остается возможность их сверки с расшифровкой магнитных лент в 4 тыс. страниц, произведенной в свое время КГБ и ныне хранящихся в РГАСПИ. Это, на мой взгляд, наиболее аутентичное воспроизведение того, что действительно говорил советский лидер.

Цельной концепции развития страны и своей роли в этих процессах в воспоминаниях Н.С.Хрущева мы, конечно, не найдем. И это скорее хорошо, чем плохо, ибо избавляет историка от необходимости пропускать через себя, как при изучении "воспоминаний" Ельцина-Юмашева, целые пласты мифологии и демагогии, которым наспех придана форма некой "концепции". Было бы явным преувеличением утверждать, что воспоминания Н.С.Хрущева лишены демагогии. Но сама форма устной, свободно текущей речи дает историку широкие возможности отделять в предоставляемой нам информации "зерна от плевел".

Так, говоря об обстоятельствах занятия им поста главы правительства, Н.С.Хрущев первоначально выдвигает выгодную ему версию: "Меня уговорили занять этот пост. Я искренне говорю, именно уговорили. Я очень не хотел, сопротивляясь против совмещения в одном лице постов председателя Совета Министров СССР и первого секретаря ЦК партии. Председателем правительства я видел Алексей Николаевича Косыгина"¹. Но буквально через минуту после этого "искреннего" заявления следует характерная ремарка: "Выношу этот вопрос на суд историков. Сказалась моя слабость, а может быть, подтачивал меня внутренний червячок, ослабляя мое сопротивление"².

Или возьмем другой пример. Объясняя мотивы снятия Г.К.Жукова с поста министра обороны СССР, Н.С.Хрущев выдвигает ему обвинение в попытке — не более не менее — совершения государственного переворота: "Постепенно накопились факты, которые нельзя было игнорировать без опасения подвергнуть страну перевороту типа тех, которые совершаются в Латинской Америке"³. Но как не согласуется это "расстрельное" по своей сути для тех времен обвинение с оценкой Н.С.Хрущевым личных качеств маршала: "Он гордый и порядочный человек...", "Не может Жуков, честный человек, обелять Сталина..." и т.д. Отнюдь не по недомыслию, а как бы специально мемуарист сам же и дезавуирует свою официальную мотивацию: "С большой душевной болью пришлось нам, особенно мне, расстаться с Жуковым. Но этого требовали интересы страны,

¹ Хрущев Н.С. Указ. соч. Т. 2. С. 207-208.

² Там же.

³ Там же. С. 209.

интересы партии"¹. Так о потенциальном узурпаторе и военном диктаторе не говорят. И Н.С.Хрущев не настолько прост, чтобы не понимать, что в такой форме он скорее кается перед своими современниками и потомками в содеянном, чем пытается убедить их в истинности версии "военного заговора". Не веря в только что им самим выдвинутую версию, мемуарист совсем не заботится и о том, поверят ли в нее читатели.

Н.С.Хрущев привычно декларирует все, что требуется от правоверного вождя и служителя системы: верность идеям В.И.Ленина, делу Коммунистической партии, делу социализма и коммунизма. Но трактовка основополагающих понятий принимает у него подчас своеобразный характер.

Будучи человеком, не искушенным в теории марксизма, Первый секретарь ЦК КПСС не вдается, например, в детали того, как в течение двух десятилетий в соответствии с инициированной им Программой КПСС претворить в жизнь принцип коммунизма "От каждого по способностям — каждому по потребностям" и что конкретно в реальной жизни должно будет означать это "по потребностям". Не волновала его, судя по всему, и убежденность К.Маркса в том, что коммунизм — это уже не общество труда (ибо производство должно быть полностью автоматизировано и выведено из области основной человеческой деятельности), но сфера свободного (в том числе и от материальных забот) человеческого *творчества*. В понятие "коммунизм" советский лидер вкладывал простой, почти крестьянский смысл, неоднократно подчеркивая в своих свободных устных выступлениях примерно следующее: дело ведь не только в слове "коммунизм", мы стремимся к лучшей жизни, к самой прекрасной жизни на земле, чтобы человек жил без нужды, чтобы он всегда имел работу, которая ему по душе, чтобы человек не думал с тревогой о завтрашнем дне... чтобы он жил красиво и благородно, а не просто существовал, прозябал.

Перед нами, если переходить на современный политический язык, — обычная программа социал-демократического толка, в которой нет ничего в принципе утопического, чего наша страна не способна была бы достигнуть. Трудно найти человека (и тогда, и сегодня), кто был бы против *такого* "коммунизма" или считал его несбыточным. Утопизм Н.С.Хрущева заключался в другом: в стремлении эту, в сущности, "ревизионистскую" по тем представлениям перспективу реализовать чиновничьи-бюрократическими методами "Януса партии-государства", персонифицированного в номенклатуре КПСС. Ведь что такое партийный аппарат и во что способен он превратить любое благое начинание, советский лидер прекрасно знал. И знал не понаслышке.

Хрущев Н.С. Указ. соч. Т. 2. С. 210.

В результате "идея коммунизма", переведенная на рельсы реальной политической задачи, сыграла злую шутку как с самим Н.С.Хрущевым, определив неизбежность его политического падения, так и с системой, которую он воплощал.

Воспоминания Н.С.Хрущева остались не законченными. Но тот факт, что "проблемы построения коммунизма" оказались в них в целом обойденными, не случаен. Он свидетельствует не просто о том, что советский лидер не "успел" дойти до них (вспоминая, мемуарист не руководствовался строго хронологическим принципом). Чутьем "искреннего популиста" он не мог не чувствовать, что его самое амбициозное и любимое политическое дитя оказалось в итоге и самым нежизнеспособным.

Основное внимание в воспоминаниях советского лидера занимают внешнеполитические проблемы. Объяснять это обстоятельство можно по-разному. Например, незаконченностью мемуаров и тем пристрастием, которое проявилось у лидера, почувствовавшего вкус к внешнеполитической деятельности и возможность заниматься ею лишь по достижении вершин власти. Достаточно напомнить, как описывает Н.С.Хрущев свой внешнеполитический дебют — участие в заключении мирного договора с Австрией: "Австрия оказалась для меня и всех нас пробным шаром, демонстрацией того, что мы можем вести сложные переговоры и провести их хорошо... Выезд Дуньки в Европу оказался успешным, с демонстрацией того, что мы ориентируемся в международных делах и без сталинских указаний... Мы в своей международной политике сменили детские штанишки на брюки взрослых людей"¹.

Практика действующего на мировой арене актора постепенно убеждает его, что реализм, прагматизм, глобализм политического мышления выше идеологических догм и псевдоклассовых подходов. Так, в ходе неформального общения лидеров двух сверхдержав в Кэмп-Дэвиде президент США Д.Эйзенхауэр пожаловался ему, что военные буквально выжимают из американского госбюджета огромные средства, пугая угрозой военного превосходства СССР: "...У меня просто вырывают эти деньги. Я не могу сопротивляться. А у вас как?"

— И у нас точно так, как у вас, — ответил я...

— Давайте договоримся и исправим положение, — предложил Эйзенхауэр.

— С удовольствием, — отозвался я, — собственно, я приехал в США с надеждой договориться.

Но договориться так и не удалось"².

Два лидера в этом эпизоде предстают как политики сходного уровня и масштаба мышления. Причем как в своей силе, так и в

¹ Хрущев Н.С. Указ. соч. Т. 2. С. 222.

² Там же. Т. 4. С. 477-478.

слабости. Ибо сходство их обнаруживается и в том, что, являясь "престолюбостителями", охранителями и в той или иной мере архитекторами своих общественно-политических систем, они выступают и как их заложники.

Личность Н.С.Хрущева как заложника постсталинской советской политической системы наиболее рельефно характеризуют даже не его мемуары, а стиль поведения пенсионера союзного значения в ответ на нажим на него со стороны этой системы.

Став рядовым гражданином, винтиком, объектом диктата системы, Н.С.Хрущев постфактум получил горькую возможность посмотреть и оценить ее со стороны. Впечатляющую картину итоговых настроений и мироощущений вождя в отставке дает стенограмма беседы в Комитете партийного контроля (КПК), куда его вызвали 10 ноября 1970 г. по поводу сообщений зарубежной печати о готовящихся на Западе публикациях фрагментов из его воспоминаний¹.

В ответ на требование предоставить "партии" наговоренные им мемуарные магнитные ленты и их расшифровки он взрывается: "...Это Николай I запрашивал шифровки. Я был удивлен, что в моей партии, которой я отдал жизнь, мы вернулись к николаевским методам². Прозрения относительно настоящего заставляют его по-новому взглянуть и на "проклятое" досоветское прошлое страны: "Вера Засулич сообщила царскому суду, что она убила... Суд заслушал ее и оправдал. А ведь это был царский суд"³.

Историческая малограмотность, заикленность на стереотипах официоза, мешает ему как-то объяснить самому себе этот феномен: "Мне трудно объяснить, как это могло случиться". Но потребность в новом видении, переосмыслении еще вчера очевидных вещей на основе сопоставления настоящего и прошлого — налицо. Это и заставляет его размышлять по поводу удивительного для него факта из прошлого дореволюционной России, когда Закон торжествовал над Властью. Как видим, опыт и уроки мучительного внутреннего преодоления традиций сталинского политического мышления, которое (преодоление) подвигло его в свое время на борьбу с "культом личности", не прошли даром для советского лидера — в целом авторитарного, руководствовавшегося не правом, заключенным в Законе, а правом силы, обогатив его важными "открытиями" даже в глубокой старости.

Некогда гордый тем, что именно им поставлен заслон на пути репрессий, физического уничтожения людей, Н.С.Хрущев теперь понимает, что для нормальной жизни человека этого мало: "Моральные истязания самые тяжелые". В одной внешне сумбурно протекавшей беседе с А.Я.Пельше и другими функционерами КПК

¹ Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 612-622.

² Там же. С. 612.

³ Там же. С. 622.

Н.С.Хрущев умудряется сформулировать суть своих главных претензий к советской действительности в форме призыва к соблюдению... прав личности:

уважения ее достоинства: "У меня есть свои человеческие достоинства и я протестую"¹;

соблюдения права на свободу мысли и ее выражение: "То что я диктовал, я считаю это право каждого гражданина и члена партии"²;

нерушимости авторского права: "Как известно, в любом государстве авторы должны заключать договор с издательствами, которые и получают право на публикацию их материалов. Другого права нет"³;

утверждения права личности на знание и воспроизведение исторической правды:

"Хрущев. Наверное, многие верят, например, что войну в Корею начали американцы. Я-то знаю, что Ким Ир Сен ее начал. Я находился в это время у Сталина. Но этого не надо объявлять сейчас.

Мельников Р.Е. (член КПК. — *В.Ж.*). Но вы же диктуете об этом.

Хрущев. Я диктую потому, что при мне это было. Я знаю об этом. Это мое право"⁴.

При всех погрешностях и даже пороках культуры, при всей испорченности системой, ставившей власть в стране над сферой социального контроля, личность Хрущева, диапазон восприятия им жизни и политики в целом были шире, объемнее, чем выполняемая роль политического лидера системы. После Н.С.Хрущева советские и постсоветские вожди в той или иной мере воплощали дисбаланс уже иного рода, демонстрируя удручающую неадекватность своих личных возможностей как политических акторов уровню тех "вызовов времени", которые объективно вставали перед страной.

Таким образом, в лице Н.С.Хрущева система обрела политического лидера, актора, функционировавшего на макроуровне, чья деятельность, с одной стороны, воплощала еще не реализованный до конца потенциал позитивной эволюции системы, а с другой — объективно вела эту систему к краху. Эта двойственность сохранилась, укрепилась и при преемниках инициатора "курса XX съезда". С той, однако, поправкой, что деструктивная для судеб системы роль лидера, начиная с Л.И.Брежнева, приобретает все более ярко выраженный, преобладающий характер.

Парадокс эволюции позднего советского строя состоял в том, что в той же мере, в какой падала после Н.С.Хрущева дееспособность его лидеров-"сюзеренов", росла активность, хваткость партийно-государственной элиты — "вассалов", распространявшаяся теперь не только на сферу власти, но и на собственность. Так создавались

¹ Хрущев Н.С. Указ. соч. Т. 3. С. 612.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 615.

условия для "номенклатурной революции" конца 80-90-х годов, в ходе которой советская бюрократия получила долгожданную для нее возможность превращения в олигархию, перерождения из функционально-социальной группы в сословие¹.

Почву для этой метаморфозы, не ведая того, подготовил уже Н.С.Хрущев. Лишив И.В.Сталина, а в его лице и Вождя Системы как такового, статуса политической непогрешимости, признав нелегитимность использования репрессивно-деспотических методов в процессе реализации им своей функции гаранта Системы, Первый секретарь ЦК КПСС имел лишь одну возможность, если не нивелировать, то хотя бы уменьшить образовавшийся вследствие этого дисбаланс влияния между "сюзереном" и его "вассалами". Она состояла в том, чтобы резко ограничить бюрократическое всевластие партийно-государственной верхушки, в том числе местных элит, на основе реформирования политической системы в направлении ее либерализации, предоставления обществу и его институтам реальных функций контроля за структурами власти.

Непоследовательность, зигзагообразность реформаторских начинаний той поры — одно из свидетельств того, что Н.С.Хрущев стихийно стремился идти именно по этому пути. Так, поражавшая многих современников "бессмысленность" попытки разделить местные партийные органы на "промышленные" и "сельскохозяйственные" на деле преследовала не объявляемую задачу разбить монолит региональной номенклатуры, породив конкуренцию и борьбу в ее рядах. Но ни сил, ни реальных возможностей, ни глубоко осознанного желания для того, чтобы возвести подобного рода спонтанные устремления в ранг целенаправленной политики, у триумфатора XX съезда не нашлось. Мемуары Н.С.Хрущева содержат лишь слабые отголоски прозрения на этот счет, которое стало возникать у него на закате жизни, уже как у уникального для советской практики вождя в отставке.

Логическим результатом неумышленно инициированного Н.С.Хрущевым процесса "оттеснения сюзерена вассалами" стала уже его личная политическая судьба, а роковым итогом для советского строя — политическая карьера Б.Н.Ельцина как молота в руках антисистемных (а в итоге и антигосударственных) сил, мощного тарана, умело использованного этими силами — в основе своей наиболее дальновидной и энергичной, хваткой и циничной частью той же партийно-государственной номенклатуры прежних времен (партийных, советских, комсомольских функционеров, директорского корпуса и пр.) — для того, чтобы обратить в свою исключительную пользу горькие для страны плоды верхушечной номенклатурной революции.

¹ См. об этом: *Пихоя Р.Г.* От номенклатуры к олигархии: Функционально-социальная группа на пути к сословию // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 68-81; *Гаман-Голутвина О.В.* Бюрократия или олигархия? // Там же. С. 162-172.